

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-2-186-199>

## **Международные стандарты справедливого правосудия: кризис жанра или новое предназначение?**

**К. И. Налетов**

кандидат юридических наук,  
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова,  
ведущий научный сотрудник лаборатории правовых исследований  
новых форм межгосударственного сотрудничества и интеграции  
«Институт законодательства и сравнительного  
правоведения при Правительстве Российской Федерации»  
Адрес: «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.,  
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при  
Правительстве Российской Федерации»,  
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.  
E-mail: [Naletov.KI@rea.ru](mailto:Naletov.KI@rea.ru)

**М. А. Абакумов**

младший научный сотрудник лаборатории правовых исследований новых форм  
межгосударственного сотрудничества и интеграции,  
«Институт законодательства и сравнительного  
правоведения при Правительстве Российской Федерации»  
Адрес: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при  
Правительстве Российской Федерации»,  
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.  
E-mail: [abamika@mail.ru](mailto:abamika@mail.ru)

## **International standards of fair justice: a genre crisis or a new purpose?**

**K. I. Naletov**

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department  
of Civil Legal Disciplines of the PRUE,  
Leading Researcher at the Laboratory of Legal Research on New Forms of  
Interstate Cooperation and Integration,  
of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation  
Address: Plekhanov Russian University of Economics,  
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.  
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,  
44 B. Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.  
E-mail: [Naletov.KI@rea.ru](mailto:Naletov.KI@rea.ru)

**M. A. Abakumov**

Junior researcher at the Laboratory of Legal Research on New Forms of  
Interstate Cooperation and Integration,  
of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation  
Address: Institute of Legislation and Comparative Law  
under the Government of the Russian Federation,  
44 B. Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.  
[abamika@mail.ru](mailto:abamika@mail.ru)

*Поступила 25.03.2026 Принята к печати 13.04.2026*

## Аннотация

В данной статье исследуется проблема трансформации стандартов справедливого правосудия задаваемых до относительно недавнего времени в основном практикой Европейского Суда по правам человека в правовой системе Российской Федерации в современных условиях после прекращения членства России в Совете Европы и выхода ее из Европейской Конвенции по правам человека.

Цели и задачи исследования – анализ правового статуса и практики применения норм международного права и национального законодательства наднациональными судебными органами, учрежденными международными договорами применительно к их способности создавать региональные стандарты справедливого правосудия.

Автором исследования использовались методы формальной логики, анализа, дедуктивные и индуктивные методы, а также методы сравнительного анализа.

Результатом исследования является вывод о том, что выход России из Совета Европы и отказ от юрисдикции ЕСПЧ хотя и существенно понизили статус как самой Конвенции, так и постановлений Европейского Суда по правам человека для российской юриспруденции, однако их роль как одного из ориентиров развития российского права не утрачена до сих пор. Конституционализация международных стандартов справедливого правосудия сопровождается их суверенизацией – кризис современной либеральной идеологии, транслируемой преимущественно через европейские правовые нормы и судебную практику, способствует регионализации, в том числе стандартов справедливого правосудия. Исследование позволило прийти к следующим выводам: создание стандартов правосудия как в смысле требований к национальным судебным системам, так и в смысле принципов и норм, применяемых к устройству и функционированию самих международных юрисдикционных органов возможно исключительно при условии существования полноценного судебного органа по защите прав и свобод человека. Из региональных интеграционных объединений такой структурой обладают Карибское Сообщество (КАРИКОМ), и Организация по гармонизации предпринимательского права в Африке (ОХАДА).

**Ключевые слова:** международные стандарты; правосудие; интеграция; регионализация; международный суд; международный коммерческий арбитраж; третейские суды; Совет Европы; ЕСПЧ; Карибское Сообщество (КАРИКОМ); Организация по гармонизации предпринимательского права в Африке (ОХАДА).

## Abstract

This article examines the transformation of the standards of fair justice set by the practice of the European Court of Human Rights in the legal system of the Russian Federation. The termination of Russia's membership in the Council of Europe and withdrawal from the European Convention on Human Rights, although they significantly lowered the status of both the Convention itself and the rulings of the European Court of Human Rights for Russian jurisprudence, however, their role as one of the development guidelines has not been lost to this day. The constitutionalization of international standards of fair justice is accompanied by their sovereignization – the crisis of modern liberal ideology, transmitted mainly through European legal norms and judicial practice, contributes to regionalization, including standards of fair justice. However, the creation of standards of justice, both in terms of requirements for national judicial systems and in terms of principles and norms applicable to the structure and functioning of international jurisdictional bodies themselves, is possible only if there is a full-fledged judicial body for the protection of human rights and freedoms. Of the regional integration associations, the Caribbean Community (CARICOM) and the Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA) have such a structure.

**Keywords:** international standards; justice; integration; regionalization; International Court of Justice; international commercial arbitration; arbitration courts; Council of Europe; ECHR; Caribbean Community (CARICOM); Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA).

Наиболее распространена характеристика международных стандартов справедливого правосудия как институциональных и процессуальных гарантий соблюдения минимальных требований к национальным судебным системам. По сути, речь идет о формировании наднациональных стандартов организации и отправлении правосудия госу-

дарством на своей территории. Однако возможно и понимание его как стандарта *собственно правосудия*, то есть принципы и нормы, применяемые к устройству и функционированию самих международных юрисдикционных органов. К числу таких органов относятся Международный Суд ООН, Европейский суд по правам человека (далее –

ЕСПЧ) и иные судебные учреждения, созданные на основании международных договоров. Их юрисдикция охватывает как дела, связанные с защитой основных прав и свобод человека, так и межгосударственные споры, возникающие из международных обязательств государств. В этом значении международные стандарты справедливого правосудия в области прав человека мыслятся не в рамках международного права, а в контексте международного процессуального права [22; 7; 8]. Таким образом, термин «международные стандарты справедливого правосудия» может пониматься двояко. С одной стороны он охватывает стандарты справедливого разбирательства, формируемые международным правом для национальных правовых порядков, а с другой – стандарты, относящиеся к устройству и деятельности самих международных судебных и квазисудебных органов.

Представляется, что современные стандарты справедливого правосудия, прежде всего в их правозащитном измерении, демонстрируют тенденцию к конституционализации. Во многих правовых порядках право на справедливое судебное разбирательство рассматривается как конституционная гарантия, обеспечивающая защиту всех иных прав и свобод. Эта гарантия получает развитие в практике высших органов судебной власти и органов конституционного правосудия, занимая центральное место в системе национальных механизмов защиты прав человека.

Вместе с тем процесс конституционализации стандартов правосудия сопровождается и противоположной, на первый взгляд, но логически связанной тенденцией – суверенизацией соответствующих гарантий. Их дальнейшее развитие все в большей степени осуществляется не через восприятие интерпретаций, формируемых международными судебными и квазисудебными органами, а через «внутреннюю» правовую аргументацию, основанную на национальных конституционных традициях, судебной практике и доктрине.

Особенно наглядно эта тенденция проявляется на примере России после прекращения участия в системе Совета Европы.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция по правам человека, Конвенция) на протяжении длительного времени оказывала значительное влияние на развитие российского законодательства и судебной практики. Это влияние проявлялось не только в необходимости исполнения постановле-

ний ЕСПЧ, но и в постепенном включении его правовых позиций в процесс судебной аргументации.

В Информационном письме от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 Высший арбитражный Суд Российской Федерации обобщил отдельные подходы ЕСПЧ и призвал арбитражные суды учитывать их при осуществлении правосудия<sup>1</sup>. Суды общей юрисдикции ориентировались на применение практики ЕСПЧ постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ 2003 г.)<sup>2</sup>. Еще больше определенности относительно места практики ЕСПЧ в правовой системе России внесло Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» (далее – постановление Пленума ВС РФ 2013 г.). Согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ 2013 г. правовые позиции ЕСПЧ в отношении Российской Федерации, признавались обязательными для судов; а правовые позиции, высказанные в постановлениях принятых в отношении иных государств, должны были учитываться *mutatis mutandis*<sup>3</sup>, т. е. если обстоятельства дела были аналогичны обстоятельствам, исследованным ЕСПЧ. Необходимость соблюдения Конвенции в ее системном единстве с практикой ЕСПЧ неоднократно подчеркивалась в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) и Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ).

<sup>1</sup> Информационное письмо Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» // СПС «КонсультантПлюс».

На развитие действующего законодательства конвенционная система защиты прав человека оказывала влияние по двум основным направлениям. Во-первых, требовалось создать условия для исполнения окончательных постановлений. В связи процессуальными нормами предусматривали, что установление ЕСПЧ нарушения Конвенции при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения, по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, является основанием для пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Во-вторых, реформирование законодательства было необходимо в целях реализации назначенных ЕСПЧ мер общего характера [2].

В результате к 2022 г. при разрешении конкретных дел как арбитражные суды, так и суды общей юрисдикции стали опираться на правовые позиции, сформулированные в постановлениях ЕСПЧ, а ссылки на Конвенцию и практику ЕСПЧ стали неотъемлемым элементом судебной аргументации. Для нескольких поколений судей обращение к практике ЕСПЧ стало профессиональной привычкой и проявлением высокой правовой культуры. Более того, использование практики ЕСПЧ прямо поощрялось законодателем. Например, подп. 4 п. 4 ст. 180 КАС допускал включение ссылок на практику ЕСПЧ в мотивировочную часть судебного акта.

С 15 марта 2022 г. Российская Федерация прекратила членство в Совете Европы и денонсировала ряд международных договоров, в т.ч. Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Впоследствии все упоминания о Конвенции и ЕСПЧ были удалены, а постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., были признаны не подлежащими исполнению в Российской Федерации<sup>1</sup>.

Несмотря на изменения законодательства, в течение 4 лет после денонсации Конвенции, в российском правовом поле сохраняла силу ори-

ентация судов на использование практики ЕСПЧ, а также иные постановления Пленума ВС РФ, в которых содержались отсылки к Конвенции<sup>2</sup>. Как следствие, суды продолжили использовать их для обоснования своих выводов по конкретным делам.

Лишь с принятием Постановления Пленума ВС РФ от 9 декабря 2025 г. № 33 все эти положения были исключены. В ряде случаев положения Конвенции были заменены на сопоставимые положения универсальных договоров ООН по правам человека и Конвенции по правам человека СНГ, а в ряде случаев – на нормы российского законодательства.

Однако эти изменения носят скорее формально-технический характер. Устранение прямых отсылок к Конвенции и практике ЕСПЧ фактически не повлекло отказа от правовых позиций ЕСПЧ, уже воспринятых российской правовой системой. Они продолжают «проступать», подобно следам карандаша, которые остаются после стирания давно написанного текста.

На это указывают слова И. В. Краснова, на Совете судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов 19 февраля 2026 г. о том, что ВС РФ будет «последовательно консолидировать правоприменение, унифицировать процедуры мотивации решений, своевременно устранять устаревшие ориентиры в соответствии с текущими реалиями». К таким «устаревшим ориентирам» были отнесены Конвенция и практика ЕСПЧ, чем и было обусловлено исключение соответствующих положений

<sup>1</sup> При этом выход Российской Федерации из Совета Европы породил разногласия относительно момента прекращения действия Конвенции в ее отношении. РФ исходила из того, что в соответствии с п. 3 ст. 58 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ее действие прекратилось вместе с выходом из Совета Европы. Европейский Суд, напротив, на основе собственного толкования статьи 58 Конвенции посчитал, что Российская Федерация перестала быть стороной Конвенции только 16 сентября 2022 г. по истечении шести месяцев после направления уведомления Генеральному секретарю Совета Европы.

<sup>2</sup> Имеются в виду: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 1999 г. № 79 «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 “О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации”»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”»; Постановление Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» и др.

постановлений Пленума ВС РФ. Председатель Верховного Суда отдельно обратил внимание судов на то, что уровень защиты прав граждан, организаций и государства остается на прежнем уровне, но мотивация решений «ссылками на утратившие силу международные договоры» недопустима. Также И. В. Краснов сообщил, что планируется «отслеживать реализацию исполнения нижестоящими судами принятых постановлений пленума, а также внесенных в них изменений», что должно обеспечить предсказуемость и стабильность правоприменения<sup>1</sup>.

Переориентация судов на отказ от использования Конвенции и практики ЕСПЧ не ознаменовала мгновенного изменения судебной практики. Даже после исключения соответствующих положений из постановлений Пленума ВС РФ в судебных актах продолжают встречаться ссылки на ЕКПЧ и практику ЕСПЧ. Причем нередко речь идет не о единичном упоминании, а о целых абзацах, воспроизводящих правовые позиции ЕСПЧ.

Так, при рассмотрении дела о защите деловой репутации и взыскании компенсации морального вреда Арбитражный суд Нижегородской области указал на необходимость разграничения утверждений о фактах, подлежащих проверке на соответствие действительности, и оценочных суждений, мнений и убеждений, которые не подлежат судебной защите. При этом суд подчеркнул, что указанное разграничение осуществляется с учетом правовой позиции ЕСПЧ<sup>2</sup>.

При решении вопроса о взыскании расходов на оплату услуг представителя Дзержинский районный суд г. Перми установил, что следует руководствоваться не только принципом разумности в соответствии с российским законодательством, но и принципом справедливости в соответствии с Конвенцией<sup>3</sup>.

Указывая на недопустимость выполнения судами функции обвинения по делам об административных правонарушениях, Арбитражный суд

Тамбовской области сослался на постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2016 г. по делу «Карелин против России». Приводя в качестве аргументов ценности правовой определенности и предсказуемости, характерные для принципа законности, он сослался на постановление ЕСПЧ от 28 июня 2018 г. по делу «Компания G.I.E.M. S.R.L. и другие против Италии»<sup>4</sup>.

Рассматривая дело по иску о признании права пользования жилым помещением и о возложении обязанности заключить договор социального найма жилого помещения, Приволжский районный суд г. Казани Республики Татарстан дал толкование понятия «жилище» с учетом практики ЕСПЧ, указав, что оно не ограничивается фактом физического проживания, а определяется наличием достаточных и устойчивых связей лица с конкретным помещением<sup>5</sup>.

В отдельных случаях такие фрагменты формулируются так, как будто Конвенция по-прежнему действует в отношении Российской Федерации<sup>6</sup>.

Вместе с тем в судебной практике встречаются проявления другой крайности, когда суды прямо указывают, что ссылки сторон в процессуальных документах на решения ЕСПЧ не подлежат учету в связи с прекращением действия соответствующих международных договоров, включая Конвенцию, после прекращения членства России в Совете Европы 15 марта 2022 г.<sup>7</sup> Оставляя постановление суда первой инстанции в основной части без изменения, Московский городской суд постановил исключить из описательно-мотивировочной части ссылку суда на п. «с» ч.1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Суд апелляционной инстанции признал обращение суда первой инстанции к положениям Конвенции

<sup>1</sup> Совещание судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79181>

<sup>2</sup> Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 27 марта 2026 г. по делу № А43-34896/2025 // СПС «Гарант».

<sup>3</sup> Решение Дзержинского районного суда г. Перми Пермского края от 23 марта 2026 г. по делу № 2-613/2026 // СПС «Гарант».

<sup>4</sup> Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 27 марта 2026 г. по делу № А64-10394/2025 // СПС «Гарант».

<sup>5</sup> Решение Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 17 марта 2026 г. по делу № 2-2109/2026 // СПС «Гарант».

<sup>6</sup> Решение Центрального районного суда г. Воронежа Воронежской области от 25 марта 2026 г. по делу № 2а-1452/2026 // СПС «Гарант»; Постановление Советского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 18 апреля 2025 г. по делу № 5-557/2025 // СПС «Гарант».

<sup>7</sup> Решение Тракторозаводского районного суда г. Челябинска Челябинской области от 24 марта 2026 г. по делу № 12-96/2026 // СПС «Гарант». См. также: Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2026 г. по делу № 16-882/2026 // СПС «Гарант».

ошибочным, мотивировав это тем, что с 16 марта 2022 г., в связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы, Конвенция утратила силу в отношении Российской Федерации. Кроме того, было отмечено, что ранее действовавшее Постановление Пленума ВС РФ 2013 г. утратило силу в связи с принятием Постановления Пленума ВС РФ от 9 декабря 2025 г. № 33, в котором исключены ссылки на нормы Конвенции и разъяснения по их применению<sup>1</sup>.

В судебной практике встречаются также решения, в которых суд, с одной стороны, в рамках своей аргументации ссылается на положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а с другой – указывает на прекращение ее действия для Российской Федерации<sup>2</sup>.

На основании изложенного представляется возможным выделить следующие этапы использования российскими судами Конвенции и практики ЕСПЧ в судебной аргументации:

1) 1991–1998 гг. – отсутствие ссылок в судебных актах, что обусловлено неучастием Российской Федерации в конвенционной системе защиты прав человека;

2) 1998–2022 гг. – постепенное расширение использования Конвенции и практики ЕСПЧ в судебной аргументации, завершившееся их превращением в неотъемлемый элемент судебной аргументации;

3) 2022–2025 гг. – переходный период, характеризующийся устранением отсылок к Конвенции и практике ЕСПЧ в законодательстве, а также прекращением обязанности по исполнению новых постановлений ЕСПЧ, при одновременном сохранении ранее сформированных ориентиров, закрепленных в постановлениях Пленума ВС РФ 2003 г. и 2013 г.;

4) 2025 г. по н/в – переориентация судов на отказ от использования Конвенции и практики ЕСПЧ в судебной аргументации при сохранении инерции правоприменения.

В этих условиях возникает принципиальный вопрос: как следует оценивать судебные акты, в которых по-прежнему содержатся ссылки на Конвенцию и практику ЕСПЧ?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к природе судебной аргументации.

Как справедливо отмечается в теории, судебное решение при вступлении его в законную силу приобретает силу закона, становясь для сторон своего рода частным законом. Оно превращает норму права *in abstracto* в норму права *in concreto*, определяющую правоотношения между сторонами спора<sup>3</sup>. Это превращение абстрактных правил поведения в конкретные происходит в процессе аргументации, которая является центральным элементом юридической деятельности [1]. Поэтому, несмотря на выделение в процессуальном законодательстве целого ряда оснований для обжалования судебного акта, его оспаривание по большому счету сводится к оспариванию правильности судебной аргументации, содержащейся в мотивировочной части судебного решения.

Существуют различные наборы критериев оценки судебной аргументации в зависимости от избранной теории аргументации [11]. Общая теория аргументации пока еще не была выработана. Однако, несмотря на разнообразие теорий, очевидно, что одним из главных критериев, которым должна отвечать судебная аргументация, является использование проверяемых и истинных посылок. Этими посылками являются, во-первых, фактические обстоятельства дела и, во-вторых, применимые нормы права. Если суд основывает свою аргументацию на неверно установленных обстоятельствах дела или на неверно применяемых нормах права, такая аргументация не может считаться правильной. Неверное применение норм права может выражаться в том числе в форме применения нормы, не подлежащей применению.

С этой точки зрения ссылка на нормы Конвенции как на источник права после ее денонсации представляется недопустимой. Нормы международного договора, утратившего силу для Российской Федерации, не могут рассматриваться как подлежащие применению. Соответственно, судебные решения, в которых такие нормы используются именно в качестве применимого права, следует признать содержащими порок аргументации.

<sup>1</sup> Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 марта 2026 г. по делу № 10-5287/2026 // СПС «Гарант».

<sup>2</sup> Решение Арбитражного суда Курской области от 13 марта 2026 г. по делу № А35-6794/2023 // СПС «Гарант».

<sup>3</sup> Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. 2-е изд., доп. Ярославль: И.К. Гассанов, 1912. – Т. VIII. – С. 245.

Сохранение ссылок на практику ЕСПЧ в судебных актах во многом объясняется сформировавшейся правовой культурой. В течение более чем двух десятилетий использование данной практики являлось не только допустимым, но и поощрялось законодателем и высшими судебными инстанциями. Судья, стремящийся усилить мотивировку, показать ее современность, сопоставить рассматриваемое дело с более широким контекстом защиты прав человека, естественным образом обращался к выработанным ЕСПЧ подходам. В результате использование Конвенции и практики ЕСПЧ стало неотъемлемым элементом судебной аргументации.

Эта инерция не может быть преодолена мгновенно. Однако более важно другое: следует ли вообще стремиться к полному отказу от подобных ссылок?

Представляется, что такой отказ не является однозначно оправданным. Несмотря на усилившуюся политизацию подходов ЕСПЧ [4], его практика продолжает вырабатывать подходы к разрешению правовых проблем, государств континентально-правовой системы. В этом смысле она может выполнять функцию инструмента правового развития. В российской юридической литературе неоднократно обращалось внимание на возможности судов бывших колоний Великобритании использовать прецеденты английских судов, а также, хотя и гораздо реже – решения судов других бывших английских колоний [10].

При этом согласно п. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации в России права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Таким образом, содержание прав и свобод человека раскрывается через обращение к общепризнанным стандартам прав человека, которые могут формироваться в том числе в рамках региональных правозащитных систем, среди которых европейская рассматривается как прошедшая наиболее длительный путь исторического развития. Поэтому в силу прямого указания Конституции Российской Федерации, правовые позиции ЕСПЧ, (по крайней мере те, что были сформулированы до выхода России из Совета Европы), могут использоваться как ориентир для применения права. Что касается правовых позиций, выработанных после выхода из Совета Европы, российские суды, как представляется, пользуются дискреционными полномочиями по их учету в своей правоприменительной деятельности.

Предоставление такой дискреции судам, в особенности высшим судам – Верховному Суду Российской Федерации и Конституционному Суду Российской Федерации, в наибольшей степени обеспечит справедливость судебного разбирательства.

Сложившаяся в российской юриспруденции ситуация отвечает современной тенденции стихийно складывающегося правового плюрализма.

Постмодернистские тенденции в правовом регулировании [5], а также регионализация, политизация и специализация международных отношений, в частности отношений в сфере межгосударственной интеграции породили критическое отношение к любым унифицированным критериям оценки национальных практик. С другой стороны управление – это уменьшение разнообразия объектов и их состояний [15], поэтому вполне объяснимо стремление к выявлению «...общего правового содержания в принципах и институтах правосудия разных стран» [9] конечным итогом которого будет выработка международных стандартов справедливого правосудия.

Система надгосударственных и внесударственных судебных форумов включает в себя институты, варьирующиеся от институциональных судебных органов, третейских судов *ad hoc* до квазисудебных органов и специальных механизмов пересмотра, а также третейских судов. Как отмечают исследователи, международное правосудие не оставило без своего внимания ни один регион мира, расширив географию своего присутствия на большие и малые, богатые и бедные страны [24]. Вне Европейского континента активно развиваются международные стандарты, основанные на понимании права, отличном от классического, примером чего является исламское право, которое как указывает М. Г. Мехтиев, делает особый упор на права и обязанности индивида ставя на первое место этику, приравнивая права и свободы к обязанностям, в отличие от современных универсальных принципов и норм защиты прав и свобод человека, где обязанностям частного лица уделено по мнению ученого, не так много внимания [6]. В рамках БРИКС особое внимание также уделяется выработке унифицированных стандартов [13].

В современной российской системе права европейская система защиты прав человека выполняет роль своеобразного ориентира.

Как указывает А. С. Исполинов государства-участники интеграционных объединений, создавая суды, берут за основу либо копируют судебную систему ЕС. Юрисдикция создаваемого на постоянной основе Суда в значительной степени напоминает, а иногда идентична юрисдикции Суда ЕС [3].

Ранее авторы данной статьи упоминали о практике использования судами бывших английских колоний решений английских судов для обоснования принимаемых ими решений. Сказанное, однако, совершенно не означает того, что и решения, выносимые этими судами, формируемые ими подходы и стандарты идентичны подходам, сформированным английскими судами, хотя влияние английского права достаточно велико.

В условиях, когда классическая западная модель позитивного права, созданная источниками права, в формальном смысле исходящими от государства и пронизанная ценностями либерального индивидуализма, пережила глубокое истощение, поставившее под сомнение сами ее основы, цели и источники ее формирования [32], все отчетливее проявляется отмеченная авторами ранее суверенизация конституционных гарантий.

Выбор в пользу правовых систем Латинской Америки и Африки обусловлен тем, что помимо Европы специализированные суды по защите прав человека, уполномоченные рассматривать требования пострадавших граждан против государств и использовать средства правовой защиты обязательные к исполнению в случае подтверждения фактов нарушений, существуют только в системах регионального международного права Африки и Латинской Америки. Таким образом говорить об альтернативных стандартах справедливого правосудия, предполагающих наличие специализированных судебных органов возможно только применительно к этим двум регионам.

В настоящее время фактический распад наиболее перспективного интеграционного объединения на территории Латинской Америки – УНАСУР ознаменовавший собой кризис интеграции в странах Южной Америки временно приостановил процесс гармонизации, в том числе и судебных систем. В таких условиях сложно говорить о выработке международных стандартов правосудия регионального уровня.

Основное отличие судов интеграционных объединений на территории Южной Америки от судов интеграционных объединений Старого Света является то, что они часто совмещают функции высших судебных инстанций национального уровня, международных судебных органов и третейских судов. М. Л. Энтин отмечает специфику интеграции в Европе, противопоставляет ее интеграции в Латинской Америке и указывает на то, что «мотором интеграции» в Европе стали наднациональные институты, тогда как в Латинской Америке они не сыграли такой роли [14].

Пока одним из наиболее релевантных институционных органов международного правосудия является Карибский Суд, который постепенно расширяет свою территориальную юрисдикцию за счет постепенного отказа государств Карибского бассейна от юрисдикции Тайного совета Великобритании (Privy Council)<sup>1</sup>. Карибский Суд был учрежден на основе Пересмотренного Договора Чагуарамас от 05 июля 2001 г. об учреждении Карибского Сообщества (КАРИКОМ). В преамбуле к нему было указано, что «эффективная, прозрачная и авторитетная система урегулирования споров» повысит экономическую и социальную активность и приведет к дальнейшему экономическому росту и развитию. Государства-члены также подтвердили в преамбуле, что «первоначальная юрисдикция Карибского суда имеет важное значение для успешного функционирования системы единого рынка и экономики КАРИКОМ». В споре *Attorney General of Barbados v. Joseph and Boyce (2006)* Карибский Суд разъяснил, что «его главная цель при создании [заклучалась] в содействии развитию юриспруденции карибского бассейна».

Карибский суд одновременно выполняет две роли:

— действуя в качестве суда международной или «первоначальной» юрисдикции (*original jurisdiction*), он уполномочен на принятие юридически

<sup>1</sup> Показательно то, что Тайный Совет, из-под юрисдикции которого Карибский суд выводит рассмотрение ряда споров, содействует процессу постепенной передачи полномочий, указывая на очевидную разницу юридических менталитетов населения бывшей колонии и метрополии. Тайный совет часто был готов согласиться с выводами судов карибских территорий и государств по местным делам, поскольку они лучше знакомы с карибскими делами.

обязательных решений в сфере толкования и применения положений Договора Чагуарамас;

— действуя в качестве суда апелляционной инстанции (*appellate jurisdiction*), он рассматривает апелляционные жалобы по гражданским и по уголовным делам, на решения, принятые высшими национальными судебными органами государств-членов КАРИКОМ. В этом качестве Карибский Суд применяет нормы внутреннего права (в английской юридической терминологии – «*municipal law*») соответствующих государств. Судья Карибского Суда Андерсон Уинстон отмечал, что выступление Карибского суда в этой роли – «более благодатная область» [31] для рассмотрения дел по правам человека т.к. в роли апелляционного суда высшей инстанции он (Карибский суд) обладает более широкими полномочиями.

Практикой толкования Карибским Судом Договора Чагуарамас было сформулировано важное положение, касающееся юрисдикции Карибского Суда по кругу лиц – субъекты КАРИКОМ управомочены указанным Договором на принуждение к соблюдению своих прав в рамках КАРИКОМ как в отношении любого государства-члена так и в отношении самого КАРИКОМ через суд национального государства или путем частного обращения в Карибский Суд за защитой своих прав<sup>1</sup>. Вместе с тем обращение в Карибский Суд частных лиц затруднено необходимостью специального допущения Карибского Суда.

Договор КАРИКОМ предусматривает, что негосударственные субъекты могут обращаться в Карибский суд для оспаривания государствами-членами и КАРИКОМ прав и льгот, предоставляемых в соответствии с Договором. С 2008 г. почти все дела, находящиеся в первоначальной (международной) юрисдикции Карибского Суда, возбуждались по заявлениям частных лиц [18]. Только одно государство-член КАРИКОМ передало спор в Карибский Суд, причем это произошло в 2020 г., через 15 лет после начала работы Карибского суда<sup>2</sup>.

Следует несколько подробнее остановиться на споре *Trinidad Cement Limited and TCL Guyana Incorporated v Republic of Guyana* [2009] CCJ 5 (OJ); 75 WIR 327, где Судом впервые был рассмотрен вопрос о праве доступа частных лиц к правосудию, осуществляемому Карибским су-

дом. Суть спора состояла в следующем: компания, зарегистрированная в Тринидаде и Тобаго, и компания, зарегистрированная в Гайане, утверждали, что Гайана нарушила положения об Общем Внешнеторговом Тарифе. Правовая позиция Гайаны состояла в том, что разработчики Договора Чагуарамас не предполагали возможности частного лица обратиться в суд с иском против государства-члена КАРИКОМ, и такого рода отношения должны разрешаться на национальном уровне. Однако Карибский Суд счел это ограничительным толкованием, которое может помешать достижению целей Договора Чагуарамас. В этом споре Карибский Суд подчеркнул важность частных лиц в деле реализации целей и задач Договора Чагуарамас, и что намерения разработчиков Договора Чагуарамас очевидно изначально предполагали, что таким субъектам «должно быть предоставлено и они должны иметь возможность пользоваться правами, которые могут быть реализованы непосредственно на международном уровне»<sup>3</sup>.

В споре *TCL v CARICOM* [2009] CCJ 2 (OJ) рассмотренным Карибским Судом, КАРИКОМ также пыталось воспрепятствовать доступу частного лица к судебному разбирательству по оспариванию решений органа Карибского Сообщества – Совета по торговле и экономическому развитию<sup>4</sup> и Генерального секретаря КАРИКОМ, утверждая, что это «значительно затруднило бы функционирование Сообщества и ограничило бы осуществление государственного суверенитета государствами-членами»<sup>5</sup>. Также правовая позиция КАРИКОМ состояла в ограничении круга лиц имеющими право оспаривать действия, совершенные каким-либо органом КАРИКОМ вне пределов своих полномочий. Карибский Суд не согласился с этим указав, что способность частного лица оспаривать решения Сообщества является проявлением основанной на правилах системы, установленной Договором Чагуарамас (см. параграф 32 Решения Карибского Суда по вышеуказанному спору).

Исследователи полагают, что Карибский Суд сильно склоняется к универсалистскому восприятию и применению законов и правовых норм составляющих *jus cogens* и в значительной степени полагается на них при вынесении судебных реше-

<sup>1</sup> *Trinidad Cement Limited and TCL Guyana Inc v. Guyana* [2009] CCJ 1 (OJ).

<sup>2</sup> *Belize v. Trinidad and Tobago* [2022] CCJ 1 (OJ)

<sup>3</sup> *Trinidad Cement Limited (TCL), TCL Guyana Incorporated (TGI) v Guyana* [2009] CCJ 1 (OJ) p. 18

<sup>4</sup> COTED (Council for Trade and Economic Development)

<sup>5</sup> *TCL v CARICOM* [2009] CCJ 2 (OJ) para 31

ний, хотя иногда это делается таким образом, что существенно влияет на применение этих правил.

Карибский Суд иногда ставит под сомнение некоторые социально-культурные и политические нормы или ожидания, особенно по вопросам прав ЛГБТК+<sup>\*1</sup>, смертной казни, коррупции и положений Права Карибского сообщества (Caribbean Community Law). Ряд решений Карибского суда выглядит неожиданно и формулирует новые принципы и доктрины очевидно основанные на своеобразном понимании прав человека [30].

Дело *Guyana Sugar Corporation v. Tulsieram Dookhi* [2016] CCJ 17 (AJ), (более известное как «GUYSUCO Case») стало значимым в смысле обязанности национальных судов (в данном случае Апелляционного Суда Гайаны) приводить мотивацию вынесенных ими решений в целях соблюдения стандартов справедливого правосудия. При вынесении решения по данному делу Карибский Суд активно ссылаясь на практику ЕСПЧ, но, согласившись с его позицией об обязательности приведения доводов в судебных решениях, он, тем не менее, отклонил утверждение заявителя о том, что отсутствие оснований в Высоком суде нарушило его право на «естественное правосудие и на справедливое судебное разбирательство» гарантированное статьей 144 (8) Конституции Гайаны. Основанием для этого решения было то, что, хотя письменные причины не были приведены, в «постановлении судьи первой инстанции было ясно отражено кто был признан «виновным» в совершении преступления.

Правовой статус международных договоров в системе национального права стал основным вопросом, исследуемым Карибским Судом в деле *Attorney General of Barbados, Superintendent of Prisons, and the Chief Marshall v. Jeffrey Joseph and Lennox Ricardo Boyce* [2006] CCJ 3 (A.J). В данном деле он отразился в вопросе о наличии обязанности государства отложить приведение в исполнение смертного приговора до рассмотрения любого ходатайства, поданного приговоренным в международный орган соответствии с положениями международного договора по правам человека, заключенного и ратифицированного соответствующим государством, но не инкорпори-

рованного во внутреннее законодательство путем принятия соответствующего закона. При этом в решении по делу *Hilaire, Constantine and Benjamin et al. v. Trinidad and Tobago*<sup>2</sup>, вынесенном Межамериканским Судом по правам человека был сформулирован принцип несовместимости права на жизнь в том смысле в каком оно понимается в Африканской Конвенции о правах Человека с обязательными смертными приговорами.

Карибский Суд признал, что ратификация не обязательно приводит к вступлению в силу и приобретение прямого действия во внутреннем праве. Несмотря на отсутствие прямого действия, Суд пришел к выводу, что «[это] совершенно не означает того, что, соблюдая эти правила, национальные суды должны игнорировать ратифицированные, но не инкорпорированные международные договоры. Классический подход заключается в презумпции того, что орган законодательной власти имел намерение издавать законы в соответствии с таким договором в тех случаях, когда существует двусмысленность или неопределенность в последующем акте этого органа». Далее, Карибский Суд, опираясь на Решение Тайного Совета по делу *Ong Ah Chuan v Public Prosecutor* (1981) AC 648, в котором судья лорд У. Дж. Кеннет Диплок дал расширенное толкование понятию «закон»<sup>3</sup>, обратился к доктрине законного ожидания (*legitimate expectation*).

В африканских государствах преобладает мнение о несоразмерно негативном отношении к ним со стороны международных судов, что стало причиной отдавать предпочтение местным судебным решениям и даже подтолкнуло к использованию африканских региональных судов. Хрестоматийным подтверждением этому стало решение МЦУИС по делу *Orano Mining SAS v. Republic of*

<sup>2</sup> Inter-American Court of Human Rights, Judgement of June 21, 2002, Series C 94

<sup>3</sup> Конституция, основанная на вестминстерской модели и имеющая целью гарантировать всем отдельным гражданам постоянное пользование основными свободами или правами, ссылки на «закон» в таких контекстах, как «в соответствии с законом», «равенство перед законом», «защита закона» и тому подобные, относятся к системе права, которая включает в себя эти фундаментальные правила естественного права на справедливость... Создатели Конституции сочли бы само собой разумеющимся, что «закон», к которому граждане могли бы прибегнуть для защиты основных свобод, гарантированных им Конституцией, была бы правовой системой, которая не нарушала бы эти фундаментальные нормы.

\* Общественное движение ЛГБТ признано экстремистской организацией и запрещено в Российской Федерации

<sup>1</sup> Исследователями отмечается, что борьба за права ЛГБТ отождествляется в сообществах стран Карибского бассейна с «постколониальным империализмом» [28; 23].

Niger (I), ICSID Case No. ARB/25/8 в соответствии с которым Нигер был лишен права продавать, передавать или содействовать передаче третьим лицам урана, произведенного компанией-истцом, и который был удержан в нарушение ее прав.

По данным ЮНКТАД в отношении африканских государств действует более 500 двусторонних инвестиционных договоров, большинству из которых более 20 лет, и они предоставляют большую защиту инвесторам, а не африканским государствам<sup>1</sup>.

Доктор Марта Тумнде (Нджиам) из Университета Буза, (Камерун), высказал мнение на конференции, что большинство африканских стран унаследовали законы от европейцев, что привело к лоскутному одеялу из различных законов, создавшему состояние правовой неопределенности. Эта правовая «балканизация» африканского континента создала состояние незащищенности для иностранных инвестиций.

В правовом смысле африканский континент разделен на государства англо-саксонской и романо-германской правовых систем. Это разделение предопределило успех системы разработки и принятия международных стандартов, созданной на основе конвергенции подходов различных правовых систем. Таковой стала система, действующая в рамках Организации по гармонизации предпринимательского права в Африке (the Organization for the Harmonisation of Business Law in Africa («ОНАДА»)), созданная на основе Договора о Гармонизации Предпринимательского права в Африке 1993 г. (the Treaty on the Harmonization of Business Law in Africa («Договор ОХАДА»)).

Основной целью ОХАДА является гармонизация и модернизация правил ведения бизнеса в африканских странах для содействия правовой безопасности и экономической интеграции, поскольку ЭКОВАС сосредоточивший свои усилия скорее на содействии экономической интеграции и сотрудничестве между западноафриканскими государствами, нежели на создании унифицированной или хотя бы гармонизированной правовой базы. ОХАДА создавалась с целью унификации правовых систем Африки, создания предсказуемого правового режима обеспечения правовой и судебной безопасности экономических операций

в своих государствах-членах, тем самым стимулируя инвестиции и усиливая региональную экономическую интеграцию в Африке. Ни одно исследование какого-либо вопроса коммерческих правоотношений – например, ликвидации компаний или неплатежеспособности – в любом из государств-участников ОХАДА не будет полным без ссылки на события в государствах-участниках ОХАДА [21].

Договор ОХАДА направлен на интеграцию подходов общего и континентального права. Географическое положение создает естественный путь для внедрения права ОХАДА в англоязычных государствах Африки. Вопрос, возникающий в процессе внедрения и принятия единообразных правовых актов, заключается в том, будет ли принятие полным и с изменениями или без них. Какой бы вариант ни был предложен, это приведет к гармонизации систем гражданского и общего права в сфере коммерческого права [17].

Так Кеба Мбайе первый председатель ОХАДА указывает: «ОХАДА – это правовой инструмент, разработанный и созданный Африкой для Африки с целью региональной интеграции и экономического роста на континенте» [25].

Организатор первого семинара по вопросам деятельности ОХАДА в Лагосе (Нигерия), покойный профессор Джон Адемола Якубу, отмечал, что глобализация обретает свой полный смысл именно в контексте региональной интеграции, поэтому африканским странам нужно гармонизировать законы, чтобы перейти из разряда развивающихся стран в разряд развитых. Он также отметил, что африканским государствам необходимо улучшить правовое сотрудничество для обеспечения определенности в сфере коммерческого права между африканскими государствами, и это сотрудничество не обязательно приводит к потере суверенитета или к ситуации, когда одно из договаривающихся государств оказывается в безвыходном положении.

Суд справедливости и арбитража ОХАДА (далее по тексту – «Суд ОХАДА») совмещает функции третейского суда и высшей судебной инстанции, рассматривающей споры в соответствии с законодательством ОХАДА обеспечивающей единообразное толкование и применение самого Договора ОХАДА и Унифицированных правил<sup>2</sup> (ст. 14 Дого-

<sup>1</sup> UNCTAD, Base de données des politiques d'investissement [Investment Policy Hub], disponible sur. – URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/>

<sup>2</sup> Как верно указывает Е.А. Шестакова, Единообразные акты ОХАДА вступают в силу без ратификации, имеют прямое действие на территории государств-членов и поль-

вора ОХАДА). Суд ОХАДА – интегрированная система, что влечет за собой большую независимость третейского правосудия от государств – ст. 29 Регламента Суда ОХАДА предусматривает право требовать отмены решения третейского суда (впрочем, стороны могут отказаться от этого права при условии, что это не противоречит международной публичной политике<sup>1</sup>), причем ходатайство об отмене решения третейского суда подается в Суд ОХАДА, а не в суды государственной судебной системы. Логичным в этой связи выглядит и предусмотренная возможность изменения решения, хотя ограниченная случаями новых обстоятельств, которые могли бы привести к вынесению иного решения (ст. 32 данного Регламента), что невозможно для судов государственной судебной системы в отношении решений иных третейских судов. Третьи лица вправе обжаловать решения третейского суда (ст. 33 данного Регламента).

Исполнение решения третейского суда в форме выдачи экзекватуры осуществляется непосредственно Судом ОХАДА. Именно с момента выдачи решение является подлежащим исполнению непосредственно – его статус аналогичен решению судов государственной судебной системы об экзекватуре<sup>2</sup>.

Кроме того в его компетенции находится рассмотрение проектов актов законодательства ОХАДА, обжалование решений национальных судов в отношении толкование и применение актов ОХАДА и предоставление консультативных заключений Совету министров ОХАДА, государствам-членам и национальным судам по делам, связанным с ОХАДА (ст. 14 Договора ОХАДА).

Суд ОХАДА является своего рода третьей судебной инстанцией, поскольку он уполномочен отменять любое решение суда государства-члена ОХАДА.

зуются верховенством по отношению к их национальному законодательству [12].

<sup>1</sup> Содержание данного термина вызвало определенную дискуссию среди африканских специалистов в сфере сравнительного правоведения. Ответ на данный вопрос представляется исключительно важным именно в отношении создания стандартов справедливого правосудия, поскольку публичный порядок является универсальным стоп-краном для применения иностранного правопорядка, так и для признания и исполнения иностранного судебного решения. Участники дискуссии поставили вопрос о том, является ли «международная публичная политика» суммой международных публичных порядков государств или зоной их пересечения? Подробнее см.: [27; 26; 29].

<sup>2</sup> Определению суда государственной судебной системы о признании и (или) приведении в исполнение решения третейского суда и выдаче исполнительного листа

Правила Суда ОХАДА применяются, если хотя бы одна из сторон спора имеет свое обычное местонахождение (*usual place of residence*) на территории государства-члена ОХАДА или если исполнение договора из прав обязанностей сторон которого возник спор полностью или частично исполняется на территории государства-члена ОХАДА. Статья 2.1. данного Регламента особо уполномочивает Суд ОХАДА на рассмотрение международных инвестиционных споров. В Решении № 071/2016 от 21 апреля 2016 г. Суд ОХАДА указал на отсутствие обратной силы у положений Договора ОХАДА и Унифицированных актов ОХАДА применительно к решениям судов, вынесенных до вступления в силу Договора и Унифицированных актов ОХАДА в этом государстве.

Небезынтересно в связи с этим и разрешение вопроса юрисдикционного иммунитета иностранных государств. Регламент закрепляет возможность арбитражного разбирательства споров с участием государств-членов ОХАДА и государственных образований, а также то, что государства-участники арбитража не имеют права на иммунитет от юрисдикции (статья 2). Однако государства-члены ОХАДА, а равно их государственные предприятия и публичные учреждения обладают иммунитетом от исполнения в соответствии с Единым законом ОХАДА 1998 г. об упрощенных процедурах взыскания и исполнительных мерах (статья 30). Причем наличие иммунитета не связано ни с деятельностью, осуществляемой субъектом, ни с использованием активов, на которые распространяются принудительные меры. То есть Суд ОХАДА придал данной категории юрисдикционного иммунитета абсолютный, а не функциональный характер. Например, в Решении по делу *Aziabevi Yovo Et Autres v. Societe Togo Telecom* Arrêt №. 044/2005 от 7 июля 2005 г. он предоставил иммунитет тоголезской компании, принадлежащей государству, несмотря на то, что законодательство Республики Того исключает<sup>3</sup> иммунитет от судебного преследования для государственных компаний.

Арест государственных активов невозможен без четко выраженного отказа государства-

<sup>3</sup> Российское законодательство хотя и основано на дихотомии юрисдикционных иммунитетов иностранного государства, тем не менее отказывает иностранному государству в иммунитете в отношении исполнения решения суда если имущество иностранного государства используется и (или) предназначено для использования в целях, не связанных с осуществлением государством суверенных властных полномочий, а само имущество пользуется иммунитетом в отношении исполнения решений суда.

участника от юрисдикционных иммунитетов. Даже при наличии такого отказа некоторые национальные суды по-прежнему крайне неохотно разрешают любой такой арест. Таким образом, иммунитет государства от принудительного исполнения остается существенным ограничением для арбитражного разбирательства ОХАДА с участием государств или государственных образований. Это может сделать арбитраж Суда ОХАДА непривлекательным как для сторон, так и для арбитров.

### Заключение

Выработка международных стандартов правосудия преследует две цели. С одной стороны этот процесс направлен на формирование не единых, но по крайней мере близких по содержанию принципов справедливого разбирательства в национальных правовых порядках, а с другой, в узком смысле они призваны регулировать структуру, деятельность и подходы к разрешению споров самих международных судебных и квазисудебных органов.

Современные тенденции развития стандартизации правосудия, в том, что касается разрешения споров о содержании, объеме и пределах защиты прав человека характеризуются двумя процессами – конституционализации и суверенизации гарантий.

С прекращением членства России в Совете Европы, созданные, в том числе при непосредственном участии представителей России стандарты европейского правосудия, утратив формальную, юридически обязывающую силу, сохра-

няют потенциал ориентиров развития права в тех пределах, в каких они не противоречат Конституции РФ и основам российского правового порядка.

Создание новых международных стандартов правосудия возможно исключительно при условии существования полноценных наднациональных органов по защите прав и законных интересов не только суверенных государств, но и частных лиц. Помимо Европы таковые созданы в Латинской Америке и в Африке. Карибский Суд, наследуя в определенном смысле Тайному Совету, обеспечивает преемственность подходов британского права в ходе постепенной замены ее «карибской юриспруденцией», а Суд ОХАДА совмещает функции органа по защите прав и законных интересов частных лиц и третейского суда, что, во-первых, сообщает суду большую гарантию независимости от государства, в частности при исполнении решения, во-вторых, позволяет преодолеть существенный недостаток международного коммерческого арбитража, а именно – невозможность изменить решение форума международного коммерческого арбитража и его обжалования лицами не участвовавшими в деле, если их права и законные интересы были нарушены принятым решением. Такая структура ставит перед судами интеграционных объединений новые проблемы – в частности проблему юрисдикционного иммунитета государств при признании и (или) исполнении их решений.

### Список литературы

1. Гаджиев Х. И. Роль судебной аргументации в обеспечении устойчивого конституционно-правового развития // Журнал российского права. – 2025. – № 8. – С. 34–49.
2. Гаджиев Х. И., Филатова М. А. Значение мер общего характера в процессе исполнения решений международных судов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2025. – Т. 21. – № 6. – С. 63–80.
3. Исполинов А. С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 152–166.
4. Ковлер А. И. Право в тисках политики (о некоторых тенденциях в практике международных судов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – № 2. – С. 78–90.
5. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. – № 8 (236). – С. 15–28.
6. Мехтиева М. Г. Исламские ценности в регулировании международных отношений арабских государств // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29. № 9. – С. 142–152.
7. Пунжин С. М. Процессуальное право Международного Суда ООН: временные меры (часть 1) // Международное правосудие. – 2015. – № 4 (16). – С. 51–70.
8. Пунжин С. М. Процессуальное право Международного Суда ООН: временные меры (часть 2) // Международное правосудие. – 2016. – № 1 (17). – С. 37–58.

9. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. Авторы; под ред. Т. Г. Морщаковой. – М.: Мысль, 2012. – 584 с.
10. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации. – М.: Норма, Инфра-М, 2025. – 452 с.
11. Чирнинов А. М. Критерии оценки конституционно-судебной аргументации // Lex Russica. – 2025. – №7 (224). – С. 48–69.
12. Шестакова Е. В. Правовые аспекты внешнеэкономического контракта. – М.: "Право Доступа", 2018. – 350 с.
13. Шулятьев И. А., Мехтиев М. Г. Обзор Международной юридической конференции БРИКС+ «Развивающиеся страны и развитие международного права» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 5. – С. 138–143.
14. Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 гг. СПб., 2006. – 576 с.
15. Эшби У. Введение в кибернетику. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 432 с.
16. Aizenstatd A. ¿Prevalece la Corte Centroamericana o la CC? Guatemala ha incumplido en el pasado las decisiones de esa Corte. // El Periodico 1 septiembre 2011.
17. Akinbote Akin. Treaty and Law by Anglophone State OHADA 2008 Conference Faculté de Droit, Université d'Orléans, France, 2nd – 4th July, 2008.
18. Ali Safiya. The Caribbean Court of Justice and Private Actors: Reorienting state-centric regionalism in CARICOM? // The UWI St. Augustine Law Journal. – 2025 – Vol.3. – No.2.
19. Avilés J. A. G. Encuentro de los Presidentes y Magistrados de las Salas Constitucionales Cortes Constitucionales (8 : 2001 : Bruselas, Luxemburgo, Karlsruhe, Estrasburgo, Berlín) // Memoria del VIII Encuentro de los Presidentes y Magistrados de las Salas Constitucionales y Cortes Constitucionales de América Latina México, D.F. : Fundación Konrad Adenauer, 2002. – 185 p.
20. Chacón Enrique Ulate. El derecho comunitario centroamericano: Fuentes constitucionales y evolución jurisprudencial // Seminario sobre “La Consulta Prejudicial” Granada, Nicaragua 9 y 10 de octubre, 2006.
21. Chamorro Mora, Rafael. La Corte de Justicia de la Comunidad Centroamericana, Managua; Imprimatur, 2000.
22. Fombad Ch. M. Comparative Research in Contemporary African Legal Studies // Journal of Legal Education. – 2018. – Vol. 67. – No. 4. – Pp. 984–1004.
23. Gomula, J., Wittich, S., & Stemeseder, M. (Eds.). (2024). Research Handbook on International Procedural Law. Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing. – 716 p.
24. Laurence R. Helfer, Karen J. Alter Legitimacy and Lawmaking: A Tale of Three International Courts // Theoretical Inquiries in Law. 2013. Volume 14. Issue 2. P. 479.
25. Mbaye Kéba. Knowing how to accept poverty: An interview with President Kéba Mbaye; remarks collected by François Katendi and Jean-Baptiste Placca // L'autre Afrique, éd. – No. 11. – 19 décembre 2001.
26. Meyer P. Droit de l'arbitrage, Collection Omit uniforme, Bruylant. – Bruxelles. – 2002.
27. Pougoué P.G., Tchakoua J.A.I. Féneon A. Droit de l'arbitrage dans l'espace OHADA. PUA. Yaoundé. – 2000. – P. 13.
28. Smith L. Charlene & Kosobucki Ryan. Homophobia in the Caribbean // LSD Journal. – 2011. – Vol 1.
29. Tchakoua J.-M. L'exécution des sentences arbitrales dans l'espace OHADA : regard sur une construction inachevée à partir du cadre camerounais //, RASJ. – 2009. – Vol. 6.– No. 1. – Pp. 1–12.
30. Wells Herbert. The Caribbean Court of Justice and International Human Rights Laws and Norms: Universalism, Cultural Relativism and Transformation. Ottawa, Canada. – 2022.
31. Winston Anderson. The Role of the Caribbean Court of Justice in Human Rights Adjudication: International Treaty Dimensions // The Annual Lillich Memorial Lecture at Florida State University 14 March 2011. – 21:1 – J. of Trans. L. & Pol. 1. – URL: [https://ccj.org/wp-content/uploads/2021/03/Remarks-by-the-Honourable-Mr-Justice-Winston-Anderson-at-the-Annual-Lillich-Memorial-Lecture-at-Florida-State-University\\_20110314.pdf](https://ccj.org/wp-content/uploads/2021/03/Remarks-by-the-Honourable-Mr-Justice-Winston-Anderson-at-the-Annual-Lillich-Memorial-Lecture-at-Florida-State-University_20110314.pdf).
32. Wolkmer, A. C. Pluralismo jurídico: nuevo marco emancipatorio en América Latina. En, M. Villegas , & C. Rodríguez, Derecho y sociedad en América Latina: Un debate sobre los estudios jurídico-críticos. (pp. 247-259).